

На правах рукописи

ТРУЗЯН Эдуард Валериевич

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗА-
КОНОДАТЕЛЬСТВУ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Специальность: 12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
Коняхин Владимир Павлович

Официальные оппоненты: **Иванчин Артем Владимирович**
доктор юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Соболев Вячеслав Васильевич
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», декан факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов и Судебного департамента

Ведущая организация: **ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»**

Защита диссертации состоится «29» марта 2019 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», а с электронной версией диссертации и автореферата – на сайте www.kubsau.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шульга Андрей Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С древнейших времен известно, что коллективная деятельность, в отличие от индивидуальной, характеризуется рядом существенных преимуществ. Как правило, объединение усилий нескольких лиц позволяет сократить сроки выполнения работы, улучшить её качество, добиться больших результатов, повысить интеллектуальную продуктивность группы. Указанные характеристики проявляются и в коллективной противоправной деятельности: преступники, действующие совместно, увеличивают свои шансы на «успех», наносят общественным отношениям более серьезный вред, минимизируют риски быть «раскрытыми».

Научные исследования, посвященные уголовно-правовой борьбе с групповой преступностью, свидетельствуют, что наиболее «прибыльные», дерзкие и трудно раскрываемые преступления совершаются в составе организованных групп. Характеризуясь устойчивостью, такие группы тщательно планируют преступления, используют приемы конспирации, изощренные криминальные способы и схемы, быстро адаптируются к новым средствам и методам работы правоохранительных органов. Именно организованная преступная деятельность причиняет наиболее существенный вред интересам личности, общества и государства, а потому она обоснованно отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности (п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹).

К сожалению, уголовно-правовое противодействие организованным преступным группам² остается недостаточно эффективным, что далеко не в последнюю очередь объясняется несовершенством российского уголовного законодательства. По ряду позиций оно не соответствует международным стандартам уголовно-правовой борьбы с организованными преступными группами, что затрудняет сотрудничество с другими государствами по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передачи лиц для отбывания наказания, а также оказания правовой помощи по уголовным делам, связанным с деятельностью организованных преступных групп и отмыванием преступных доходов.

Негативное влияние на практику уголовно-правового противодействия организованной преступности оказывают внутрисистемные противоречия уголовного

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Здесь и далее по тексту термины «организованная преступная группа» и «организованная группа» употребляются как равнозначные, если не оговорено иное.

законодательства. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за создание организованных групп специальной направленности (незаконное вооруженное формирование, банду, экстремистское сообщество и др.), руководство ими и участие в них, не согласованы между собой, нередко дублируют друг друга, содержат другие технико-юридические просчеты. Усугубляют эту ситуацию законодательные новации 2013-2016 гг., выразившиеся в криминализации деяний, направленных на создание террористических сообществ и террористических организаций.

Снижают эффективность уголовно-правовых средств противодействия организованной преступности и многочисленные правоприменительные ошибки, допускаемые при квалификации преступлений, совершенных организованными группами, причем многие из этих ошибок обусловлены противоречивостью позиций высшей судебной инстанции относительно уголовно-правовой оценки организованной преступной деятельности.

На этом фоне становится очевидной потребность в разработке новых и оптимизации существующих уголовно-правовых мер, направленных на защиту личности, общества и государства от организованных преступных групп, что подтверждает актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследованию вопросов уголовной ответственности за занятие организованной преступной деятельностью посвящено немало работ, среди которых особое внимание привлекают труды В.П. Алехина, А.А. Арутюнова, Ф.Г. Бурчака, Р.Р. Галиакбарова, Л.В. Глазковой, П.И. Гришаева, А.В. Грошева, А.И. Гурова, А.И. Долговой, Г.А. Есакова, О.Д. Жука, О.А. Зубаловой, Н.Г. Иванова, А.В. Иванчина, Ю.А. Клименко, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Ф. Маслова, В.В. Малиновского, В.В. Меркурьева, В.И. Михайлова, А.В. Павлинова, Е.Б. Серовой, В.Н. Скотининой, В.В. Соболева, П.Ф. Тельнова, А.Н. Трайнина, А.Г. Хлебушкина, Е.В. Черепановой, С.А. Шатова, А.В. Шеслера, С.А. Юдичевой. Авторами диссертационных

исследований, непосредственно посвященных организованным преступным группам, являются П.В. Агапов, А.Д. Аджиев, Н.В. Дейнеге, В.А. Дилоян, А.В. Дмитриенко, И.А. Дубровин, Д.Б. Ильясов, А.Е. Кирилин, А.В. Кисин, О.Н. Литовченко, Р.Х. Кубов, Т.М.-С. Магомедов, А.Н. Мондохонов, А.В. Павлинов, Е.В. Черепанова, Т.В. Якушева.

Признавая значительный вклад указанных авторов в разработку проблем уголовно-правовой охраны общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп, нельзя не отметить, что далеко не все существующие проблемы получили окончательное решение, а некоторые и вовсе остались за рамками научного анализа. В частности, на теоретическом уровне не решен концептуальный вопрос о наиболее оптимальной нормативной модели ответственности создателей и участников организованных групп; не выработаны четкие критерии законодательной дифференциации организованных групп специального характера³; требуют дополнительной проработки правила квалификации преступлений, совершаемых организованными группами. С учетом изложенного, степень научной разработанности темы исследования нельзя признать в полной мере достаточной.

Цель исследования заключается в разработке теоретических положений, направленных на оптимизацию механизма уголовно-правового противодействия деятельности организованных преступных групп.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

- установить правовую природу и признаки организованной преступной группы в международном уголовном праве;
- определить минимальные международные стандарты уголовно-правовой охраны общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп;
- на основе компаративного анализа выявить присущие зарубежным странам модели уголовной ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней, оценить перспективы их использования в отечественном уголовном законодательстве;
- обосновать необходимость существования дефиниции организованной группы в структуре Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), уточнить ее функциональное назначение;
- с учетом анализа судебной практики раскрыть критерии устойчивости организованной группы;

---

³ Здесь и далее по тексту под организованной группой общего характера понимается организованная группа, ответственность за создание, руководство и участие в которой не предусмотрена в статьях Особенной части УК РФ, тогда как под организованной группой специального характера – организованная группа, ответственность за создание, руководство и участие в которой предусмотрена в статьях Особенной части УК РФ (ст. 205.4, 208, 209, 239, 282.1 УК РФ).

– выявить недостатки и технико-юридические просчеты, допущенные при конструировании норм об ответственности за создание организованных групп специального характера, руководство ими или участие в них, и сформулировать научно обоснованные рекомендации по их устранению;

– оценить перспективы использования общеуголовного запрета на осуществление организованной преступной деятельности.

Объектом исследования являются уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с созданием организованной группы, руководством ею и участием в ней, а также в связи с совершением преступлений в составе организованной группы.

Предмет исследования – организованная группа, ее признаки и виды; международные стандарты защиты интересов общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп; нормативные подходы к регламентации ответственности за занятие организованной преступной деятельностью, реализованные в российском и зарубежном уголовном законодательстве; правила квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступили Конституция Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, международные договоры, определяющие минимальные стандарты защиты интересов общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), иные федеральные законы.

Теоретическую основу исследования составили основные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, истории государства и права, криминологии, международного права. Среди уголовно-правовых публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить труды П.В. Агапова, А.А. Арутюнова, Ф.Г. Бурчака, Р.Р. Галиакбарова, П.И. Гришаева, Н.В. Дейнега, А.В. Дмитриенко, Н.Г. Иванова, А.В. Иванчина, А.В. Кисина, Ю.А. Клименко, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, Г.А. Кригера, А.Н. Мондохорова, А.В. Павлинова, П.Ф. Тельнова, А.Н. Трайнина, А.Г. Хлебушкина.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили: судебная практика, относящаяся к теме исследования; статистические данные ГИАЦ

МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о преступлениях, связанных с деятельностью организованных групп, за период с 2010 по 2016 гг.; материалы 122 уголовных дел о преступлениях, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ, а также о преступлениях, предусмотренных статьями ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 239, 282.1, 282.2 УК РФ; данные проведенного в 2016-2017 гг. опроса 174 правоприменителей (14 судей, 18 помощников судей, 60 прокуроров, 82 следователей Следственного комитета Российской Федерации) из 57 субъектов Российской Федерации; результаты исследований, проводимых другими авторами. При подготовке диссертационного исследования автором также был использован личный опыт работы, полученный в период службы в следственных органах МВД России.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, логический, сравнительно-правовой, статистический, анализ документов).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней обоснована необходимость корректировки нормативной модели уголовной ответственности создателей, руководителей и участников организованных преступных групп, отраженной в российском уголовном законодательстве.

В работе определены международные стандарты уголовно-правового противодействия организованным преступным группам; на основании компаративного анализа выявлены основные подходы к определению оснований уголовной ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней; уточнено функциональное назначение дефиниции организованной группы в структуре Общей части уголовного закона; обобщены, систематизированы и уточнены выработанные судебной практикой критерии устойчивости организованной группы; предложен комплекс мер законодательного характера, направленный на оптимизацию существующего механизма уголовно-правового противодействия деятельности организованных преступных групп специального характера; обоснована необходимость введения в УК РФ самостоятельного запрета на создание организованной группы, руководство ею или участие в ней и в порядке *de lege ferenda* предложен проект соответствующей нормы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. С точки зрения международного уголовного права организованная преступная группа обладает рядом обязательных признаков: является структурно оформленной, состоит минимум из трех лиц, создается для совершения хотя бы одного «серьезного преступления», имеет целью получение материальной выгоды. Вместе с тем международно-правовая дефиниция организованной преступной группы не исключает возможности более широкого ее определения в национальном уголовном законодательстве. В этой связи положения ч. 3 ст. 35 УК РФ, позволяющие признать группу организованной при наличии двух лиц и цели совершения ими любых преступлений, не только не противоречат международным стандартам, но и устанавливают более высокий уровень защиты законных прав граждан, организаций, общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп.

2. Международно-правовые обязательства в части криминализации действий, направленных на создание организованной преступной группы или участие в ней, выполнены Российской Федерацией лишь частично. Ни одно из указанных в ст. 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности альтернативных действий не признано уголовно-наказуемым в том объеме, в котором это требуется в соответствии с международными стандартами, поскольку УК РФ не содержит ни самостоятельного запрета на преступный сговор, ни отдельной нормы об ответственности за участие в организованной преступной группе общего характера. Подобная ситуация представляется недопустимой как с точки зрения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, так и с позиции принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться).

3. Сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства позволяет выделить две основные модели противодействия организованным преступным группам. Первая модель предполагает установление уголовной ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней (ФРГ, Франция, Италия), вторая модель – криминализацию сговора о совершении преступления (США, Великобритания). В российском уголовном законодательстве (как и в законодательстве большинства стран СНГ) прослеживаются отдельные элементы обеих моделей, поскольку в нем:

– установлена ответственность за создание отдельных видов организованных преступных образований, руководство ими и участие в них (ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 239, 282.1, 282.2 УК РФ);

– предусмотрены основания для привлечения к ответственности за приискание соучастников и сговор на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, что позволяет квалифицировать действия создателей иных организованных преступных групп, не получивших отражения в Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 30, ч. 6 ст. 35 УК РФ).

4. Целесообразность столь эклектичного подхода российского законодателя вызывает сомнения, поскольку он порождает необоснованные различия в уголовно-правовой оценке деяний, связанных с деятельностью организованных преступных групп специального характера (квалифицируемых по самостоятельным нормам Особенной части УК РФ) и организованных преступных групп общего характера (подлежащих уголовно-правовой оценке с позиций института неоконченного преступления или не подлежащих ей вовсе).

С точки зрения совершенствования отечественного уголовного законодательства весьма перспективным представляется зарубежный опыт правового противодействия организованным преступным группам в части конструирования общей уголовно-правовой нормы об ответственности за создание организованной преступной группы и участие в ней (по примеру Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ, УК Республики Казахстан, УК ФРГ, УК Франции, УК Италии).

5. Существование дефиниции организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) в структуре Общей части уголовного закона обуславливается её универсальным отраслевым назначением. В частности, данная форма соучастия: а) выступает формально-юридической основой для криминализации деяний, объективная сторона которых заключается в создании сложных преступных образований, а равно в руководстве ими и участии в них (ст. 205.4, 208, 209, 239, 282.1 УК РФ); б) опосредует применение специальных правил квалификации действий соучастников; в) выступает средством дифференциации уголовной ответственности, будучи отраженной в качестве квалифицирующего признака состава преступления; г) учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание, являясь средством его индивидуализации (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Закрепление преступного сообщества в качестве самостоятельной формы соучастия себя не оправдывает, поскольку определение, содержащееся в ч. 4 ст. 35 УК РФ, не учитывается законодателем ни в качестве нормативной модели при конструировании усеченных составов преступлений, объективная сторона которых заключается в создании «сообществ» или «организаций» (ст. 205.4, 282.1, 205.5, 282.2

УК РФ), ни при формулировании «групповых» квалифицирующих признаков иных статей Особенной части УК РФ. Подтверждает этот вывод и единственный случай «представительства» данной формы соучастия в Особенной части (ст. 210 УК РФ). В связи с этим предлагается исключить дефиницию преступного сообщества из ст. 35 УК РФ, изменив при этом редакцию ст. 210 УК РФ (проект нормы приводится в тексте диссертации и автореферата).

6. Несмотря на оценочный характер признака «устойчивости» организованной группы, судебной практикой выработан достаточный комплекс объективных и субъективных показателей, позволяющих констатировать устойчивость конкретной группы (неоднократность совершения преступлений, большой временной промежуток существования группы, тщательное планирование даже одного преступления, постоянство форм и методов преступной деятельности, наличие организатора, тесная взаимосвязь между членами группы и др.). При этом абсолютного критерия, однозначно свидетельствующего об устойчивости организованной группы, не существует, поскольку в каждой группе индивидуальны как отдельные показатели устойчивости, так и их конкретная совокупность.

7. Дифференциация ответственности за создание организованных преступных групп, руководство ими и участие в них в зависимости от характеристики планируемых группой преступлений в целом отражает объективные различия в степени их общественной опасности, и соответствует потребностям государства в борьбе с наиболее масштабными и значимыми угрозами общественной безопасности, а также основным векторам национальной уголовной политики.

С целью совершенствования существующего механизма уголовно-правового противодействия деятельности организованных преступных групп специального характера, устранения технико-юридических просчетов (несогласованность, дублирование норм и др.) предлагается:

- привести в соответствие с положениями Особенной части УК РФ часть 5 ст. 35 УК РФ, содержащую перечень статей, устанавливающих ответственность за создание организованных групп и участие в них, дополнив ее ст. 239 УК РФ и ст. 208.1 УК РФ;

- переименовать террористическое (ст. 205.4 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ) в организованную террористическую и организованную экстремистскую группу для исключения возможности ограничительного толкования данных понятий со ссылкой на ч. 4 ст. 35 УК РФ;

– ограничить диспозиции ч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ указанием на отсутствие у членов незаконного вооруженного формирования цели совершения иных преступлений, переводя при этом данные деяния в категорию преступлений средней тяжести;

– дополнить диспозиции ст. 205.5 и 282.2 УК РФ оборотами-уточнениями «при отсутствии признаков организованной террористической (экстремистской) группы», что позволит исключить «искусственную» идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, а равно 282.1 и 282.2 УК РФ;

– выделить из ч. 2 ст. 208 УК РФ в самостоятельную ч. 3 деяние в форме участия в незаконном вооруженном формировании на территории иностранного государства, признав его тяжким преступлением.

8. Усиление уголовной репрессии в отношении членов организованных групп должно осуществляться не только путем криминализации и пенализации отдельных целевых направлений организованной преступной деятельности (ст. 205.4, 208, 209, 239, 282.1 УК РФ), но и путем использования более широкого превентивного потенциала общеуголовного запрета на осуществление данной деятельности, вне зависимости от её целей. В этой связи предлагается предусмотреть в Особенной части УК РФ общую норму об ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею и участие в ней (проект которой приводится в тексте диссертации и автореферата), а также исключить ч. 6 из ст. 35 УК РФ.

Предлагаемая норма: а) обладает значительным профилактическим потенциалом в части раннего уголовно-правового противодействия организованной преступности; б) не содержит ограничений по категориям тяжести преступлений, для совершения которых создается или функционирует организованная преступная группа; в) допускает привлечение к ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею и участие в ней вне зависимости от целевой направленности планируемых группой преступлений (экстремистской, террористической, «бандитской» или др.); г) соответствует обязательным международно-правовым предписаниям, содержащимся в ст. 5 Конвенции против транснациональной организованной преступности, и рекомендательным положениям Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления об организованной

группе как форме соучастия в преступлении, предусмотренной уголовным правом России и международным уголовным правом; позволяют выявить пробелы и противоречия в правовом регулировании уголовной ответственности за создание различных видов организованных групп, руководство ими или участие в них; определяют направления для дальнейших исследований преступлений, совершаемых в составе организованных групп; могут служить доктринальной основой для совершенствования уголовного законодательства и практики его применения.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что изложенные в нем положения, а также основанные на них рекомендации, могут быть использованы: в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства России; в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений, заключающихся в создании организованных групп, руководстве ими или участии в них, а равно иных преступлений, совершенных членами таких групп; в научно-исследовательской работе при дальнейшей разработке проблем уголовной ответственности за участие в организованной преступной деятельности; в учебном процессе при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанных с ней спецкурсов, в процессе повышения квалификации сотрудников органов, применяющих уголовный закон.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кубанского государственного университета; докладывались на 5 научно-практических форумах: заседании II круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 15 июня 2016 г.); VII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, 29 сентября 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности права в современной России» (Кубанский государственный университет, 8 октября 2016 г.); XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 27 января 2017 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы» (Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 23 июня 2017 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 8 научных публика-

циях, среди которых 4 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Положения диссертации используются в учебном процессе юридического факультета Кубанского государственного университета. Отдельные выводы прикладного характера, полученные в результате проведенного исследования (в частности, относительно квалификации преступлений, совершенных организованной группой), внедрены в правоприменительную деятельность следственных органов Следственного комитета РФ и МВД России по Краснодарскому краю.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его объект, предмет, цели и задачи, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации **«Уголовно-правовое противодействие организованным преступным группам: международные стандарты и зарубежный опыт»** включает в себя три параграфа.

В параграфе 1 главы первой **«Организованная преступная группа как форма соучастия в преступлении по международному уголовному праву»** отмечается, что интеграция организованных групп в международное пространство стала возможной во многом благодаря таким факторам, как устойчивость организованных преступных объединений, существующая в них система мер конспирации и противодействия правоохранительным органам, стремительно развивающийся процесс глобализации мировой экономики.

Основополагающим международно-правовым актом, регулирующим деятельность государств по борьбе с организованными преступными группами и орга-

низванной преступностью в целом, является ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция). Из п. «а» ст. 2 Конвенции следует, что организованная преступная группа обладает рядом обязательных признаков: является структурно оформленной, состоит минимум из трех лиц, не является случайно образованной, создается для совершения хотя бы одного «серьезного преступления» (за которое максимальный срок лишения свободы составляет минимум 4 года), имеет целью получение материальной выгоды. Указанные признаки представляют собой лишь минимальный стандартизированный набор формальных характеристик, который посредством имплементации должен получить отражение в уголовном законодательстве стран-участников Конвенции, принявших на себя соответствующие международные обязательства. А значит, страны-участники, учитывая специфику национальных правовых систем, вправе определить и более широкие границы дефиниции во внутреннем уголовном законодательстве.

Анализируя дефиницию организованной группы, зафиксированную в ч. 3 ст. 35 УК РФ, диссертант отмечает, что имплементация положений Конвенции в российское уголовное законодательство в части определения понятия организованной преступной группы осуществлена с учетом специфики отечественной системы уголовного права.

В работе доказывается, что положения ч. 3 ст. 35 УК РФ устанавливают более высокий уровень защиты общества и государства от посягательств со стороны организованных групп, чем это установлено международно-правовыми предписаниями. Так, для организованной группы по УК РФ обязательным является наличие лишь двух участников, тогда как международно-правовая дефиниция организованной преступной группы содержит условие о группе в «составе трех или более лиц»; кроме того, по российскому уголовному законодательству группа может быть признана организованной вне зависимости от преследуемых ею целей, будь то корыстные (как определено в Конвенции), политические, экстремистские или любые другие цели.

В параграфе 2 главы первой **«Международно-правовые нормы об ответственности за создание организованной преступной группы или участие в ней и проблемы их имплементации в российское уголовное законодательство»** рассматриваются вопросы обоснованности установления на международном уровне уголовно-правового запрета на занятие организованной преступной деятельностью.

Анализ положений Конвенции позволил сформулировать перечень требований, предъявляемых международным сообществом к национальному законодательству при имплементации нормы об ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней.

Во-первых, криминализация указанного деяния должна осуществляться посредством конструирования в национальных правовых системах самостоятельного состава преступления, не являющегося разновидностью неоконченного преступного деяния, будь то покушение или приготовление к преступлению.

Во-вторых, понятие организованной преступной группы, как неотъемлемый элемент объективной стороны состава преступления, следует формулировать на основе базовой дефиниции, закреплённой в п. «а» ст. 2 Конвенции.

В-третьих, поскольку криминализируемому деянию не во всех случаях свойственен межгосударственный масштаб, оно должно признаваться уголовно-наказуемым вне зависимости от наличия в нем элементов транснационального характера.

В-четвертых, положения Конвенции предусматривают два подхода к криминализации рассматриваемого деяния, которые могут реализовываться как вместе, так и альтернативно. Это позволяет имплементировать международно-правовую норму в уголовное законодательство различных стран, не пренебрегая при этом совокупностью исторических, политических и правовых факторов, свойственных той или иной системе права. Первый подход предполагает криминализацию сговора на совершение серьезного преступления, что в большей мере применимо для стран общей системы права, где к самостоятельным уголовно-наказуемым деяниям ранее уже было отнесено заключение «преступного сговора». Второй подход заключается в криминализации факта участия в организованной группе. Его реализация соответствует традициям стран с континентальной системой права, в которых неприемлемо установление полноценной уголовной ответственности за достижение «голового» соглашения о совершении преступления.

В-пятых, в случае криминализации «преступного сговора» состав преступления должен быть сконструирован по типу усеченного, то есть признаваться оконченным вне зависимости от фактического совершения тех преступных деяний, что явились целью создания группы; в случае криминализации участия в организованной группе – по типу формального, то есть признаваться оконченным вне зависимости от наступления общественно опасных последствий.

Соискатель констатирует, что ни одно из указанных в ст. 5 Конвенции аль-

тернативных деяний не признано в Российской Федерации уголовно-наказуемым в том объеме, в котором это требуется в соответствии с международными стандартами, поскольку УК РФ не содержит ни самостоятельного запрета на преступный сговор, ни отдельной нормы об ответственности за участие в организованной преступной группе общего характера. Делая такой вывод, автор отмечает, что:

- регламентация действий по приисканию соучастников преступления и сговору на совершение преступления в рамках института неоконченного преступления в Общей части уголовного закона не может считаться их полноценной криминализацией по причине отсутствия самостоятельной санкции, устанавливающей меру ответственности для виновных лиц. Кроме того, запрещение соответствующих действий путем приравнивания их к разновидности неоконченного преступного деяния противоречит требованиям ст. 5 Конвенции;

- нормы Особенной части УК РФ, предусматривающие ответственность за создание различного рода преступных групп, организаций, сообществ, а равно за участие в них (ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 239, 282.1, 282.2 УК РФ) существенно ограничивают рекомендованную Конвенцией «универсальную» сферу ответственности участников организованных групп по той причине, что содержат дополнительные не предусмотренные Конвенцией конститутивные признаки составов преступлений (террористическое или экстремистское «клеймо», цель совершения преступлений террористической, экстремистской или насильственной направленности, вооруженность);

- ст. 210 УК РФ не соответствует международно-правовым предписаниям о криминализации участия в организованной группе, поскольку запрещает участие лишь в иерархически структурированной организованной группе, в то время как в Конвенции идет речь о запрете участия в организованной группе, не обязательно обладающей развитой структурой (п. «с» ст. 2 Конвенции).

Таким образом, международно-правовые обязательства в части криминализации действий, направленных на создание организованной преступной группы или участие в ней, выполнены Российской Федерацией лишь частично, что представляется недопустимым как с точки зрения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, так и с позиции принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться).

В параграфе 3 главы первой **«Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия организованным преступным группам и перспективы его использования в российском уголовном законодательстве»** проводится compara-

тивный анализ иностранного законодательства, посвященного уголовно-правовой борьбе с организованными преступными группами.

Обращаясь к уголовному законодательству стран-участниц СНГ, соискатель указывает, что в большинстве УК стран Содружества, как и в УК РФ, отсутствует самостоятельная норма об ответственности за создание организованной преступной группы и участие в ней. Вместе с тем в них предусмотрена уголовная ответственность за создание специальных организованных групп (обладающих дополнительными признаками вооруженности или целевой направленности) или участие в них, а также за приготовление к тому преступлению, ради совершения которого была образована организованная группа. Иным образом вопрос уголовно-правовой борьбы с организованными группами разрешен в Республике Казахстан, где уголовно-наказуемым признается не только создание преступного сообщества и участие в нём, но и создание организованной преступной группы и участие в ней. Подобную законодательную практику диссертант находит перспективной, отмечая, что установление в самостоятельной норме уголовной ответственности за сам факт создания организованной группы или участия в ней обладает огромным превентивным потенциалом, поскольку способствует предотвращению трансформации организованных групп в более прогрессивные организованные формы – преступные сообщества.

Анализ законодательства стран континентальной системы права показывает, что институт соучастия, регламентированный в Общей части уголовных кодексов Германии, Франции, Италии, не содержит положений об организованных группах или сообществах, ограничиваясь, как правило, перечислением видов соучастников и особенностей их ответственности. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, связанным с деятельностью организованных преступных групп, осуществляется здесь посредством конструирования специальных предписаний в Особенной части уголовных законов, запрещающих деятельность банд, преступных сообществ, террористических сообществ, сообществ мафиозного типа, вооруженных групп, политических групп, признанных судом неконституционными и других преступных образований. По мнению соискателя, интересным с точки зрения заимствования представляется опыт Италии в части введения в статьи об ответственности за создание организованных групп и участие в них квалифицирующего признака вооруженности.

Законодательство стран общего права (США, Великобритании) в вопросах уголовно-правовой борьбы с организованными группами опирается на доктрину

«преступного сговора». Исторически под сговором в этих странах принято понимать соглашение нескольких лиц совершить преступление. Вступление в сговор признается окончательным уголовно-наказуемым деянием вне зависимости от того, удалось ли заговорщикам совершить планируемое преступление. Помимо общей нормы о сговоре уголовное законодательство США и Великобритании содержит нормы о сговоре со специальными целями, к примеру, сговор с целью совершения тяжкого убийства или мятежный сговор. В целом автор отмечает, что вступление в сговор в уголовном праве стран англосаксонской правовой семьи оценивается весьма строго: наказание за совершение данного преступления, как правило, приравнивается к наказанию за преступление, с целью совершения которого образуется сговор.

Проведенный компаративный анализ приводит диссертанта к выводу о существовании в зарубежной законотворческой практике двух основных моделей противодействия организованным преступным группам. Первая модель предполагает установление уголовной ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней (ФРГ, Франция, Италия), вторая модель – криминализацию сговора о совершении преступления (США, Великобритания).

Вторая глава диссертации **«Организованная группа как форма соучастия в преступлении, предусмотренная Общей частью Уголовного кодекса Российской Федерации»** включает в себя два параграфа.

В параграфе 1 главы второй **«Уголовно-правовая природа организованной преступной группы»** отмечается, что дефиниции форм соучастия представляют собой базовые технико-юридические конструкции, оказывающие непосредственное влияние на положения как Общей, так и Особенной части уголовного закона. Обосновывая теоретико-прикладное значение признания организованной группы формой соучастия, автор обращает внимание на следующие обстоятельства:

- формы соучастия в преступлении выступают средством дифференциации уголовной ответственности. Дифференциация ответственности соучастников преступления достигается за счет установления в статьях Особенной части УК РФ квалифицирующих признаков состава преступления, в частности квалифицирующего признака «совершенное организованной группой»;
- совершение преступления в составе организованной группы признается обстоятельством, отягчающим наказание;
- совершение преступления в составе организованной группы влечет применение специальных правил квалификации деяния. Так, организатор организован-

ной группы несет ответственность за все преступления, совершенные организованной группой, если они охватывались его умыслом. Рядовые участники организованной группы пользуются условиями преступной деятельности, ранее созданными организатором группы, поэтому несут ответственность лишь за те преступления, в подготовке или совершении которых они принимали непосредственное участие. Действия всех участников организованной группы независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ;

– дефиниция организованной группы выступает формально-юридической основой для криминализации деяний, объективная сторона которых заключается в создании сложных преступных образований (групп и сообществ), а равно в руководстве ими и участии в них.

Исходя из этого, искатель заключает, что закрепление дефиниции организованной группы в структуре Общей части УК РФ обусловливается ее универсальным отраслевым назначением.

В параграфе 2 главы второй **«Общие признаки организованной преступной группы»** на основе анализа официальных и доктринальных источников исследуются признаки, характерные для организованной группы. По мнению автора, организованной группе свойственны три обязательных признака: наличие в группе двух или более лиц (ст. 32 УК РФ), устойчивость группы и цель совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

Признавая устойчивость наиболее сложным и дискуссионным признаком организованной группы, диссертант ссылается на мнения представителей уголовно-правовой науки, материалы правоприменительной практики и результаты опроса работников правоохранительных органов, показавшего, что 60,4 % правоприменителей испытывают затруднения при установлении признака устойчивости в конкретной группе.

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и решений по конкретным уголовным делам позволил автору выделить следующие показатели, свидетельствующие об устойчивости организованной группы: неоднократность совершения преступлений членами группы, длительность подготовки и тщательное планирование даже одного преступления, наличие заранее разработанного плана, большой временной промежуток существования группы, постоянство форм и методов преступной деятельности, стабильность состава участников группы, распределение ролей между соучастниками при подготовке к преступлению и

непосредственном его совершении, наличие в составе группы организатора (руководителя), техническую оснащенность и специальную подготовку участников организованной группы, тесную взаимосвязь между ее членами, согласованность действий.

Автор доказывает, что организованная группа представляет собой не просто одну из форм соучастия, а качественно отличное (от менее «организованных» группы лиц и группы лиц по предварительному сговору) преступное образование, специфика которого заключается, прежде всего, в его устойчивости. Несмотря на оценочный характер данного признака, судебной практикой выработан достаточный комплекс объективных и субъективных показателей, позволяющих констатировать организованный характер конкретной группы. При этом абсолютного критерия, однозначно свидетельствующего об устойчивости организованной группы, не существует, поскольку в каждой группе индивидуальны как отдельные показатели устойчивости, так и их конкретная совокупность.

Третья глава диссертации **«Организованная группа как форма соучастия в преступлении, предусмотренная Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации»** включает в себя два параграфа.

В параграфе 1 главы третьей **«Виды организованных групп, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации: критерии выделения и проблемы квалификации»** основное внимание сосредоточено на исследовании устойчивых групп и сообществ, регламентированных в статьях Особенной части УК РФ.

Системное толкование положений ст. 35, ст. 205.4, 282.1 УК РФ позволило прийти к выводу, что террористическое и экстремистское сообщество являются разновидностью формы соучастия, предусмотренной ч. 3 ст. 35 УК РФ, т.е. организованной группой, объединившейся для достижения специальной цели совершения преступлений террористической и экстремистской направленности соответственно. В обоснование этого соискатель указывает, что террористическое и экстремистское сообщество: обладают всеми общими обязательными признаками организованной группы; создаются в строго определенных специальных целях, что исключает корыстное целеполагание, характерное для преступного сообщества; ориентированы на совершение преступлений любой степени тяжести, тогда как преступное сообщество создается для совершения исключительно тяжких и особо тяжких преступлений; могут обладать конститутивными признаками преступного сообщества (структурированностью, единым руководством и др.) лишь факультативно.

На эффективности правоприменительной практики по делам о террористических и экстремистских сообществах отрицательно сказывается сложность разграничения данных преступных групп между собой. Исследовав эту проблему, автор заключает, что сообщество, преследующее террористические цели, является частным случаем сообщества, действующего с экстремистскими целями, а нормы ст. 282.1 и 205.4 УК РФ в этом отношении соотносятся между собой как общая и специальная. Конкуренция указанных норм, в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ, должна решаться в пользу специальной нормы. Соответственно, если организованная группа совершает преступления экстремистской направленности, не преследуя при этом целей, указанных в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, деятельность такой группы подлежит квалификации исключительно по ст. 282.1 УК РФ. В тех случаях, когда преступная группа изначально ставит перед собой цель совершения преступлений террористического характера, содеянное ее членами подлежит квалификации по ст. 205.4 УК РФ. Сложнее обстоит вопрос с уголовно-правовой оценкой «пограничной» организованной группы, совершающей как экстремистские, так и террористические преступления. По мнению автора, наиболее точной и справедливой представляется квалификация действий членов такой группы по совокупности ст. 205.4 и 282.1 УК РФ.

Исследование правовой природы террористической (ст. 205.5 УК РФ) и экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) привело соискателя к выводу о некорректности отнесения данных объединений к какой-либо из существующих форм соучастия. Вместе с тем конкретная террористическая или экстремистская организация в отдельных случаях может обладать признаками, свойственными организованной группе, что актуализирует вопрос отграничения террористического сообщества от террористической организации и экстремистского сообщества от экстремистской организации. Для исключения искусственной идеальной совокупности преступлений (ст. 205.4 и 205.5 УК РФ или ст. 282.1 и 282.2 УК РФ) в тех случаях, когда участники ранее запрещенной организации, образующие устойчивую группу, начинают готовить или совершать преступления террористической или экстремистской направленности, предлагается дополнить диспозиции ст. 205.5 и 282.2 УК РФ оборотами-уточнениями «при отсутствии признаков организованной террористической (экстремистской) группы». В результате принятия указанных изменений экстремистские и террористические организации перестанут расцениваться в качестве потенциальной разновидности организованных групп, за счет чего члены таких организаций, характеризующихся устойчивостью и имеющих цель

совершения преступлений, будут привлекаться к уголовной ответственности исключительно по статьям о «сообществах» (ст. 205.4 и 282.1 УК РФ).

В диссертации опровергаются суждения, согласно которым незаконное вооруженное формирование характеризуется исключительно преступными целями. Позицию автора поддержали эксперты, 83,3 % из которых считают, что группа, регламентированная в ст. 208 УК РФ, не обязательно должна преследовать цели криминального толка. В связи с этим автор негативно оценивает отсутствие дифференцированного законодательного подхода к установлению ответственности за создание незаконного вооруженного формирования и участие в нем в зависимости от характера целей, преследуемых такой группой.

Разграничивая незаконное вооруженное формирование и банду, диссертант отмечает, что вооруженная преступная группа должна признаваться незаконным вооруженным формированием, если ее участники не преследуют цели нападения на граждан или организации, в противном случае действия участников такой группы необходимо квалифицировать по ст. 209 УК РФ, а саму группу рассматривать в качестве банды. Из этого следует, что ст. 208 и 209 УК РФ соотносятся между собой как общая и специальная норма, чем исключается возможность идеальной совокупности указанных составов преступлений. Вместе с тем автор обращает внимание на алогичность законодательного решения, в результате которого незаконные вооруженные формирования стали признаваться более общественно-опасными чем банды⁴. Фактически участники банды стали подлежать менее строгому наказанию, чем члены любого иного незаконного вооруженного объединения, в том числе и такого, которое преследует непреступные цели.

Исследование состава преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, и практики его применения показало, что некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан, в ряде случаев может расцениваться в качестве разновидности организованной группы, однако ч. 5 ст. 35 УК РФ такую возможность отрицает.

Как итог, с целью совершенствования существующего механизма уголовно-правового противодействия деятельности организованных преступных групп спе-

---

⁴ См.: Федеральный закон от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. – 2016. – 11 июля.

циального характера соискатель предлагает комплекс законодательных изменений в УК РФ (седьмое положение, выносимое на защиту).

В завершении параграфа рассматривается вопрос о целесообразности закрепления преступного сообщества в качестве самостоятельной формы соучастия. Автор доказывает, что ч. 4 ст. 35 УК РФ, закрепившая преступное сообщество в Общей части УК РФ в качестве формы соучастия, не выполняет какие-либо значимые самостоятельные функции. Назначение данной нормы фактически сводится к конструированию на ее основе уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 210 УК РФ, и к отражению дефинируемой формы соучастия в ст. 63 УК РФ в числе обстоятельств, отягчающих наказание. На основании изложенного делается вывод о целесообразности исключения дефиниции преступного сообщества из ст. 35 УК РФ. При этом ст. 210 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 210. Организация структурированной организованной группы, объединения организованных групп или участие в них

1. Создание *структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством* в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений *для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды*, либо руководство *такой структурированной организованной группой, входящими в нее структурными подразделениями или таким объединением организованных групп*, а также координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений -

наказываются...

2. Участие в *указанных в части первой настоящей статьи структурированной организованной группе или объединении организованных групп* -

наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, -

наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, - наказываются...

Примечание...».

В параграфе 2 главы третьей **«Основания уголовной ответственности за создание организованных групп, руководство ими или участие в них: поиск оптимальной модели»** отмечается, что организованным группам в их уголовно-правовом и криминологическом аспектах свойственны такие общие черты, как универсальность и самостоятельная криминогенность. Универсальность организованной преступной группы проявляется в том, что она может быть создана для совершения любых преступлений. Самостоятельная криминогенность означает, что организованная группа уже на этапе создания обладает высочайшим уровнем общественной опасности, достаточным для ее уголовно-правового запрещения. С учетом выявленной специфики автор анализирует основные законодательные подходы к установлению уголовной ответственности за создание организованной группы, руководство ею и участие в ней.

В качестве первого основания уголовной ответственности для членов организованной преступной группы рассматривается институт неоконченного преступления, с точки зрения которого создание организованной преступной группы является приготовлением к совершению преступления. Говоря о плюсах и минусах такого подхода, соискатель отмечает следующее.

Во-первых, ч. 5 ст. 35 УК РФ позволяет признать приготовлением к преступлению лишь действий создателей организованных преступных групп, оставляя без внимания уголовно-правовую оценку действий лиц, ответственных за руководство организованными группами или участие в них.

Во-вторых, состав приготовления к преступлению может иметь место только в случае, если изначально планируемое преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Если же преступный умысел виновных лиц реализован в полном объеме, деяние по созданию организованной группы не получает уголовно-правовой оценки вовсе, что существенно снижает уровень защищенности граждан, общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп.

В-третьих, ч. 5 ст. 35 УК РФ может выступать основанием ответственности создателей организованных групп, не предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, лишь при условии направленности их действий на совершение конкретно

определенного преступления. Если в момент создания группы ее члены еще не связаны целью совершения конкретного преступления и объединяются, к примеру, для занятия преступной деятельностью как таковой, их действия не могут квалифицироваться с позиций института неоконченного преступления.

Более перспективным автору представляется подход отечественного законодателя к установлению ответственности для членов организованных групп посредством закрепления в Особенной части УК РФ самостоятельных усеченных составов преступлений, альтернативными признаками объективной стороны которых являются создание организованной преступной группы, руководство ею и участие в ней. Между тем этот подход реализован сегодня лишь в той части, в которой предполагает наличие специальных норм об ответственности за создание наиболее опасных или распространенных преступных групп (ст. 205.4, 208, 209, 239, 282.1 УК РФ).

В диссертации подчеркивается, что при квалификации действий виновных по указанным статьям УК РФ удастся избежать большинства описанных выше проблем. Автор приходит к выводу, что усиление карательной политики в отношении членов организованных групп должно осуществляться не только путем криминализации и пенализации отдельных целевых направлений организованной преступной деятельности (ст. 205.4, 208, 209, 239, 282.1 УК РФ), но и путем использования более широкого превентивного потенциала общеуголовного запрета на осуществление этой деятельности, вне зависимости от её целей. Такой подход представляется более предпочтительным в силу ряда причин.

Во-первых, он не предполагает каких-либо ограничений по категориям тяжести преступлений, для совершения которых может создаваться или функционировать организованная преступная группа. Это означает, что под уголовно-правовой запрет в равной мере будет подпадать создание организованной группы, руководство ею и участие в ней, ориентированное на последующее совершение преступлений любой степени тяжести.

Во-вторых, он допускает привлечение к уголовной ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею и участие в ней вне зависимости от целевой направленности планируемых группой преступлений (экстремистской, террористической, «бандитской» или др.).

В-третьих, он обладает большим профилактическим потенциалом в части раннего уголовно-правового противодействия организованной преступности, поскольку позволяет привлекать к ответственности участников группы, не дожидаясь

совершения ими конкретных преступлений. Это находит проявление в нескольких аспектах: с позиций материального права – в том, что для вывода о наличии оконченного состава преступления будет достаточно установления общей направленности умысла у членов созданной группы на совершение одного или нескольких преступлений, в том числе на занятие преступной деятельностью как таковой; с позиций процессуального права – в том, что для доказательства факта существования организованной группы правоохранным органам не придется дожидаться совершения группой конкретного преступления.

В-четвертых, он соответствует обязательным международно-правовым предписаниям, содержащимся в ст. 5 «Конвенции против транснациональной организованной преступности».

Обобщение приведенных аргументов позволило автору в порядке *de lege ferenda* выступить с инициативой об исключении ч. 6 из ст. 35 УК РФ и введении в УК РФ ст. 208.1, которую предложено изложить в следующей редакции:

«Статья 208.1. Создание организованной группы или участие в ней

1. Создание организованной группы, а равно руководство ею -
наказывается... (*тяжкое преступление*)

2. Участие в организованной группе -
наказывается... (*преступление средней тяжести*)

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в организованной группе и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.».

Опрошенные в процессе проведения исследования специалисты (76,4 %) поддержали данные законодательные изменения. В предлагаемой редакции ст. 208.1 УК РФ будет выступать общей нормой по отношению к специальным нормам об ответственности за создание организованных групп специального характера или участие в них. Эта новелла, по мнению соискателя, позволит повысить уровень защиты законных прав граждан, организаций, общества и государства от посягательств со стороны организованных преступных групп и привести УК РФ в соответствие с международными стандартами.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные положения и выводы.

Приложения содержат таблицу со сведениями о количестве лиц, осужденных за создание организованных групп, сообществ и других преступных объеди-

нений, запрещенных УК РФ, а также результаты проведенного опроса сотрудников правоприменительных органов.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России:

1. Трузян, Э.В. Критерии устойчивости организованной группы в судебной практике [Текст] / Э.В. Трузян // Российский криминологический взгляд. – 2015. – № 2. – С. 724–728. – 0,65 п.л.

2. Трузян, Э.В. Квалификация организованной группы по объективным признакам [Текст] / В.П. Коняхин, Э.В. Трузян // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 94–100. – 0,25/0,5 п.л.

3. Трузян, Э.В. Признаки организованной преступной группы: международно-правовые стандарты и проблемы их имплементации в российское уголовное законодательство [Текст] / Э.В. Трузян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 86–89. – 0,4 п.л.

4. Трузян, Э.В. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия организованным преступным группам и перспективы его использования в российском уголовном законодательстве [Текст] / Э.В. Трузян // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 1. – С. 87–93. – 0,5 п.л.

Статьи в иных изданиях:

5. Трузян, Э.В. Опыт уголовно-правового противодействия организованным преступным группам в странах романо-германской правовой семьи [Текст] / Э.В. Трузян // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 121–126. – 0,3 п.л.

6. Трузян, Э.В. Уголовно-правовое противодействие организованным преступным группам в странах СНГ [Текст] / Э.В. Трузян // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – Т. II. – С. 90–94. – 0,3 п.л.

7. Трузян, Э.В. Создание организованной преступной группы или участие в ней как самостоятельное преступление международного характера [Текст] / Э.В. Трузян // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26 – 27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 541–544. – 0,3 п.л.

8. Трузян, Э.В. Террористическое и экстремистское сообщество: проблемы определения формы соучастия [Текст] / Э.В. Трузян // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. II. – С. 75–79. – 0,3 п.л.